

Дагне Бержайте
Русский литературный канон сквозь
математическую призму

Проблема литературного канона сейчас обсуждается везде и всеми. Европейские страны одна за другой спешат составить списки своих культурных ценностей, познакомиться с которыми должен каждый гражданин этих стран. Как писалось в одной статье, «такие каноны создают благоприятные условия для объединения разных культур, способствуют усилению толерантности, уважению национального своеобразия, вызывают потребность в межкультурной коммуникации»¹. Кто осмелится с этим спорить? Но, видимо, главная причина составления таких национальных канонов культуры сегодня заключается в другом. В ситуации всеобщей мировой глобализации проблема сохранения национальных, т. е. своих культурных ценностей не менее важна, чем охрана окружающей среды. Чтобы они не растворились, не исчезли, не канули в вечность. Наверное, неслучайно, одними из первых письменно, «документально оформить» такие каноны поспешили скандинавские страны. Еще один пример, подтверждающий только что сказанное: среди балтийских стран первой такой национальный канон в виде списка произведений музыки, архитектуры, литературы, других видов искусства решила составить Латвия, страна, сохранившая в процентуальном отношении меньшее количество жителей коренного населения, чем Литва и Эстония. В последних такая потребность еще не возникла. Государством «узаконенный» канон становится очень

© TSQ № 44. Spring 2013. © Dagne Berzhaite, 2013.

¹ A. Valionis, „Latvijas kultūros kanonas“:

<http://www.lrytas.lt/-12471570801245273030-latvijos-kult%C5%ABros-kanonas.htm>

важным фактором сохранения национальных достижений в области литературы и искусства.

А как быть с литературными канонами, которые существуют лишь в нашем представлении о том, какие произведения можно считать классическими, т. е. каноническими? Как нужно сегодня относиться, например, к таким фразам, как «русский литературный канон оказался в кризисе» или «русский литературный канон уцелел»? Разговор о каноне всегда вызывает споры, о чем подробно писал Михаил Гронас в статье «Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х и 90-х годов»². Разве возможен русский литературный канон, всех, везде и во все времена устраивающий? Разве канон не есть то, что по своей природе вынуждено постоянно меняться и ускользать от какого-то устойчивого его понимания, если речь не идет о Библии? Парадокс на лицо. Но когда это русская литература обходилась без парадоксов?

Суждения на темы «кризис русского литературного канона» или «русский литературный канон уцелел» предполагают, как минимум, несколько направлений. Первое: а был ли на самом деле какой-то русский литературный канон, который или уцелел, или, наоборот, претерпел кризис? Может быть, сегодня следовало бы акцентировать внимание не на каком-то едином русском литературном каноне, а на разных русских литературных канонах, понимаемых в разных геополитических пространствах по-разному, например, «болгарский русский литературный канон», «польский русский литературный канон», «грузинский русский литературный канон», «литовский русский литературный канон» и т. д.? И второе направление: что сегодня определяет формирование этого канона, единственным «хранилищем» которого, согласны мы с этим или нет, все-таки являются школьные и вузовские программы по литературе?

Дальше при помощи нескольких примеров постараюсь проиллюстрировать свои суждения и попробую посмотреть на этот процесс извне, т. е. со стороны тех, в чью задачу не вхо-

---

² М. Гронас, «Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х и 90-х годов», <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/gronas.html>

дит сохранение выдающихся произведений русской литературы исключительно как памятника национальной культуры.

До второй мировой войны русскую литературу в Литве знали намного меньше, чем западную. На литовский язык переводили меньше с русского, чем с других европейских языков. Систематически переводить и издавать русскую литературу стали только в советские годы. Естественно, канон русской литературы в Литве никогда не соответствовал тому, как его в то же самое время представляли в России.

Лучший тому пример — история с публикацией произведений Ф. М. Достоевского. Нет, речь не о скандальных и преудержающих *Бесах*, впервые на литовском опубликованных только в годы независимости, в 1997 году. Есть и более показательный случай. Литовский читатель повесть Достоевского *Записки из подполья*, с которой, как утверждает большинство исследователей, и начинается Достоевский-философ, на родном языке смог прочесть только в 2010 году. До этого *Записки из подполья* были известны лишь читателям *Собраний сочинений* Достоевского, в Литве существовавших только на русском языке. В свою очередь, *Собрания сочинений* писателя не все могли не только достать: эти тома были не во всех городских библиотеках и отнюдь не все могли их прочесть. И дело не в нежелании литовцев читать на русском языке, как может показаться сначала. Хочу напомнить, что в Литве, даже в советское время не все могли свободно читать на русском языке, тем более такие тексты, какими являются произведения Достоевского. В советских школах Литвы образование велось на национальном, т. е. литовском языке³. А в национальных школьных программах, так же как и в программах университетов, если это только не были программы по специальности «Русский язык и литература», не было никаких упоминаний о таком писа-

---

³ Например, в годы советской власти в городе Каунасе, втором по величине литовском городе, было около 30—35 средних школ и всего лишь две — три из них были русскими. Та же ситуация была по всей Литве, за исключением Вильнюса и Клайпеды, но и там количество школ с преподаванием на русском не превышало четверти всех средних учебных заведений.

теле, как Достоевский. И постижение творчества канонического для русских Достоевского в Литве было делом абсолютно индивидуальным. Местные издательства все же, чтобы не «отстать» от мировых настроений, издавали произведения Достоевского и на литовском языке. Однако выбор текстов совсем не соответствовал тому, что всегда было принято считать «основными» произведениями этого писателя. Среди произведений Достоевского по количеству изданий в Литве, вплоть до сегодняшнего времени, лидировали *Униженные и оскорбленные*⁴. Причину, видимо, нужно искать в мелодраматическом и социальном пафосе романа, считавшемся менее всего идеологически «опасным». Вторыми по издаваемости и, следовательно, доступности и известности после *Униженных и оскорбленных* в советской Литве следовали произведения, включенные в однотомный сборник Достоевского под общим названием *Белые ночи* (туда без раннего одноименного сентиментально романа вошли еще *Бедные люди* и *Село Степанчиково и его обитатели*). Права была профессор В. Масенене, исследовательница восприятия творчества Достоевского в Литве, когда писала, что для оценки литературных произведений другой культуры особенно важно учитывать, что воспринимаемое «произведение срастается не только с историей, культурой, но и психологией народа, его мировоззрением, обоснованном социально-историческими обстоятельствами»⁵. Русский литературный канон в Литве, как и следовало ожидать, формировался «с оглядкой» на местную ситуацию.

В подобном отборе текстов Достоевского для литовского читателя, конечно, нельзя винить только местных «реципиентов» русской литературы. Скорее всего, «руку приложили» тогдашние московские власти. Интересно, как было в других со-

---

⁴ Этот же мелодраматический роман Достоевского по силе инерции или читательской памяти и в наше время издается на литовском языке чаще всех остальных его произведений. За последние двадцать лет *Униженные и оскорбленные* в том же старом переводе 1956 года, осуществленном Леонасом Жураускасом, в Литве были изданы еще четыре раза, когда *Идиот* или *Братья Карамазовы* — не больше двух.

⁵ В. Masonienė, *Literatūrinis ryšis pėdsakais*. Vilnius: Vaga, 1982, p. 38 (перевод с литовского мой — Д. Б.)

ветских республиках? Канонический список русской литературы был одинаковым для всех «братских» республик? И почему тогда в самой России дела с Достоевским обстояли по-другому? Ведь тогда была одна страна, одна общая идеология. В любом случае, ясно, что в действительности существовали разные русские литературные каноны: русский литературный канон вообще и русский литературный канон «не для русских».

Но уже в современной Литве творчество Достоевского знают намного лучше, чем творчество любого другого русского писателя. Роман Достоевского *Преступление и наказание* — единственный русский роман, включенный в литовскую школьную программу по истории мировой литературы. Не получается ли, что русский литературный канон, который многие помнят еще по старой школьной программе, в Литве, наоборот, «пополнился»?

Итак, что лежит в основе формирования «любого» русского литературного канона сегодня: историческое, идеологическое или эстетическое? Хотелось бы верить, что эстетическое. По мнению Г. Блума, профессора Йельского университета, при составлении своей знаменитой книги *Западный канон* во главу угла поставившего эстетический фактор и отрекшегося от всего идеологического, исторического, преходящего, в литературном каноне «побеждает сильнейший, тот, кто преодолел влияние предшественников и оказал наибольшее влияние на последующее поколение писателей»⁶. Но если следовать логике Блума, то в русский литературный канон обязательно должен был войти роман Н. Г. Чернышевского *Что делать?*, как произведение, ломавшее стереотипы и оказавшее огромное влияние на других русских писателей, пусть с ним и не согласных. Без *Что делать?* не было бы *Записок из подполья*, а без них — пятикнижия Достоевского; без нового понимания семейного вопроса, поднятого Чернышевским, возможно, не было бы и романа Л. Толстого *Анна Каренина*, прямо продол-

---

⁶ М. Гронас, «Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х и 90-х годов».

жающего не только традицию русского семейного романа, но и тему адюльтера. Ведь до *Анны Карениной* была уже *Мадам Бовари* Г. Флобера. Получается, что указание Блума на эстетическую «победу сильнейшего, преодолевшего предшественников» недостаточно для определения канонического произведения. Возможно, нужны совсем другие аргументы, которые расширили бы, если не «разбили» бы, этот эстетический фактор, с точки зрения Блума, самый главный в каноне. Наконец, разве эти самые «эстетические критерии», по которым Блум никогда не «принял» бы в свой канонический список роман Чернышевского, могут сами по себе быть «каноническими»? Кто не знает, что каждая эпоха по-разному рассуждала о том, что «красиво или некрасиво». Как тут не вспомнить, например, мысль В. Г. Белинского о том, «что мерка достоинства поэтического произведения есть верность его действительности»?⁷ Вряд ли эстетические критерии Белинского были бы по душе Блуму, как и, соответственно, Белинскому - эстетические критерии Блума.

А, может быть, на литературный канон сегодня влияет что-то еще, о чем раньше не могли и предполагать? И чем обозначается этот канон, если нет такого единого списка текстов, «узаконенных» министерствами культур, как это произошло в начале нынешнего века в Дании и Нидерландах?

Последние тезисы данного сочинения посвящены конкретным принципам сегодняшнего формирования русского литературного канона в Литве, или, точнее, его непосредственного симулякра, каким можно считать списки русской литературы для студентов университетов.

Все европейские университеты сегодня, как известно, руководствуются положениями Болонского процесса. Его суть заключается в создании европейской программы по кредитам, т. е. единой системой по переводу и накоплению кредитов с целью «создания единого пространства высшего образова-

---

⁷ В. Г. Белинский, «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке»: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1050.shtml

ния»⁸. Смысл этого процесса — сближение национальных образовательных систем, которое позволяет студентам Евросоюза получать более-менее единое образование на всей его территории. Единая кредитная система предполагает, что в вузе за год студент набирает 60 кредитов. Кредиты — это часы, которые отводятся на полную подготовку по тому или иному предмету. Подсчитано, что студент за год реально физически не может учиться больше, чем 1500—1800 часов. В эти часы входит и время, необходимое для прочтения всей необходимой литературы, обычно понимаемой как каноническая.

Теперь краткий курс арифметики. Один кредит равен 25—30 часам. Курсу по русской литературе XIX века, как и любому другому курсу в учебной программе вуза, отводится 5 кредитов, что, в лучшем случае, означает 150 часов. 32 или 64 часа из них уходят на аудиторное время с преподавателем. На чтение текстов художественной литературы студенту остаются от 80 — до 110 часов, так как 10 часов обязательно отводятся на подготовку к экзамену. Студент по тем же общеевропейским установкам в час может прочитать не больше 30 страниц, а на иностранном языке — еще меньше. Итак, максимум страниц, которые может прочитать изучающий русскую литературу XIX века, — это всего 2.500 страниц художественного текста. Эта цифра — это *Война и мир*, *Братья Карамазовы* и, например, часть *Обломова*. Если студент-русист читал и считал бы страницы всех тех текстов только художественной литературы, которые ему пришлось бы прочитать еще десять лет назад, то он насчитал бы около 6000—7000 страниц, т. е. больше, чем в два раза.

Ясно одно: список по русской классической литературе в университете (или русский литературный канон?) нуждается в пересмотре. Возможны разные варианты и комбинации его «обрезания». Можно оставить все канонические тексты Пушкина и два романа Достоевского; или основные произведения Чехова и Л. Толстого; другой вариант — две повести Гоголя, две пьесы Островского и два с половиной романа Достоевско-

---

⁸ М. Горбатова, «Система академических кредитов и европейское приращение к диплому как инструменты качества высшего образования в Европе», <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1638/>

го; или все романы Достоевского, Тургенева и Л. Толстого во фрагментах плюс стихи Фета. А может быть, в список вообще не включать романы, так как современный среднестатистический читатель не привык так много времени проводить за книгами? И вообще, перестать русский классический роман, «съедающий» все часы — кредиты, считать каноническим для русской литературы XIX века? Действительно, Достоевский был прав, когда устами Великого Инквизитора утверждал, что свобода выбора — одна из самых тяжелых нош для человека.

А, может быть, оставить этот «канон — пантеон» в покое и жить в ногу со временем? Не на это ли указывают современные директивы? Или все же продолжать настойчиво «шутить», пытаясь «напоминать» современному молодому поколению о великих достижениях русской литературы? Хотя, как помним по Н. В. Гоголю, смешное все равно очень быстро оборачивается грустным...

Ответ на вечный русский вопрос *Кто виноват?* всегда кажется проще, чем ответ на другой, не менее значимый *Что делать?* Кстати, ни тот, ни другой русский роман с названием в виде вопросов в современный канон по русской литературе, скорее всего, не вошли бы. Виновато время, в том числе, и реальное, физическое, а не только историческое, виноваты деньги, как всегда неразрывно с ним связанные. А любой ответ на второй вечный русский вопрос «что делать?» всегда будет казаться утопическим. Как бы ни было жалко, не получается ли, что русский литературный канон — это иллюзия, условность, недостижимый идеал? Как и хрустальный дворец, которому, по словам одного героя русской литературы, можно разве что «кукиш в кармане показать».

Возможно, вы скажете, что все арифметические подсчеты не касаются проблем русского литературного канона, который есть явление структурное и системное, почти математическое? И вопросы списков касаются только конкретного ученого, преподавателя и его субъективного взгляда на литературу? Кстати, замечали ли вы, что рассуждения о любом литературном каноне всегда заканчиваются риторическими вопросами?